

Говард Филлипс Лавкрафт

Он

(He)

Я увидел его бессонной ночью, когда бродил по улице в полном отчаянии спасти свой разум и душу.

Оказалось, что приезд в Нью-Йорк был ошибкой. Здесь, стремясь найти вдохновение в лабиринте старых улиц, заканчивающихся тупиками, среди площадей с прекрасными фонтанами, среди огромных современных башен и гигантских небоскребов под луной, я испытал ужасное чувство подавленности, угрожающее парализовать мою волю и уничтожить меня самого.

Разочарование пришло постепенно. Впервые я испытал это чувство в сумерках, стоя на мосту, величаво возвышавшемся над рекой. Немыслимые небоскребы, мерцающие в лунном свете, походили на цветы. Окутанный фиолетовой дымкой город, казалось, нежно играл с тучами и первыми звездами на небосклоне. Переливающиеся потоки блестящих ночных фонарей и освещенных окон домов превращали панораму города в фантастический звездный небосвод, наполненный волшебной музыкой. В ту минуту я думал, что здесь собраны все чудеса Каркасоины, Самарканда, Эльдорадо и других славных и известных городов. Я позволил себе увлечься старинными улочками, такими дорогими моему воображению, аллеями, узкими и извилистыми проходами, по которым проезжали когда-то золотые кареты.

Первая встреча с городом очаровала меня, и я подумал, что наконец-то нашел путь, способный привести меня в страну поэзии. Но мои надежды очень скоро рухнули. И если лунная ночь дарила городу иллюзию красоты и очарования, то беспощадный дневной свет обнажал всю грязь и мерзость мрачного камня, сковавшего город снизу доверху.

Улицы, похожие на каналы, заполнили смуглые люди с мрачными лицами и узкими глазами, неумеющие мечтать и слепые к тому, что их окружало. У идущих с низко опущенной головой жителей не было ничего общего с голубоглазыми и улыбающимися первыми колонистами, сохранившими в глубине сердца любовь к зеленым прериям и белокаменным колокольням городков Новой Англии.

Итак, вместо благотворного оазиса поэзии я нашел здесь только дрожащую темноту и невыразимое одиночество. Мне открылась ужасающая правда, я понял сокровенную тайну, которую никто не осмелился раскрыть: каменный город не был естественным продолжением старого Нью-Йорка, как современные Лондон и Париж, неразрывно связанные со старыми Лондоном и Парижем. Современный Нью-Йорк мертв. Его тело наводнено любопытными живыми созданиями и предметами, но на самом деле они лишь отражение теней, некогда живших и существовавших людей и вещей.

Совершив свое открытие, я перестал безмятежно спать по ночам. Но постепенно ко мне пришло чувство успокоения благодаря тому, что у меня вошло в привычку избегать улиц днем, а гулять лишь по ночному городу. Мне казалось, что в сумерках город сохранял

черты славного прошлого. Мне удалось даже написать несколько поэм. Я с неприязнью подавлял желание возвратиться домой, к своей семье из страха вернуться униженным, с низко опущенной головой, словно после поражения.

Бессонной ночью, бродя по городу, я повстречал этого человека в одном из необычных дворики, затерянных в старом городе, где я поселился, прослышав, что здесь настоящий приют для поэтов и артистов. Поначалу я был очарован старинными домами и сквериками. Даже убедившись, что живущие здесь поэты и художники ни что иное, как претенциозные и пустые крикуны, я все же решил снять комнату в этом квартале из-за страсти к почтенным и древним местам. Стояла глубокая ночь. Окна всех домов были закрыты. Я в полном одиночестве бред по улице, думая о загадочных тайнах, оставленных нам предшествующими поколениями, следы которых навечно сохранились здесь. Эти мысли помогали мне выжить, передо мной возникали образы и видения из далекого прошлого, к которым стремился вдохновленный поэт, живший в самой глубине моей души.

Я увидел этого человека в два часа туманной августовской ночью, пересекая анфиладу дворики, образовавших живописную аллею. Я никогда никому не говорил, но сам был уверен, что эти аллеи не были отмечены ни на одной из современных карт города. Простой факт, что эти восхитительные улочки и аллеи затерялись, делали их для меня еще более дорогими. Именно по этой причине я разыскивал их с такой страстью. Теперь, когда я нашел затерянные места, мое любопытство удесятилось. Человек первым заговорил со мной. Его лицо затенялось широкополой шляпой, великолепно сочетавшейся с плащом, окутывавшим высокую и худую фигуру незнакомца. Я почувствовал себя неловко, когда он заговорил со мной удивительным голосом, одновременно очень мягким и низким. Оказалось, он давно наблюдает за моими ночными вылазками и тоже питает любовь к следам прошлого. Потом он спросил меня, не соглашусь ли я прогуляться вместе с ним, человеком, который прекрасно знает эти места и обладает большими познаниями о старом городе.

Пока незнакомец говорил, мне удалось рассмотреть его лицо, освещенное лунным светом, отразившимся от оконного стекла. Это было благородное красивое лицо с тонкими чертами, несомненно принадлежащее человеку знатного происхождения. Вся его внешность отличалась необычностью для сегодняшнего времени и этих мест. Незнакомец одновременно внушал мне тревогу и притягивал к себе своей таинственностью. Может быть меня испугала чрезвычайная бледность и отсутствие какого-либо выражения на его лице, поразившее больше всего. Чувство неловкости не проходило. Однако я последовал за ночным спутником, потому что в моей мрачной жизни поиски красоты и прошлых тайн было единственным, что придавало жизненные силы моей измученной душе. Судьба даровала мне благоприятный неслыханный случай, позволив встретиться с удивительным человеком, обладающим совершенными знаниями.

Некоторое время незнакомец хранил молчание. Он не произнес ни единого лишнего слова, ограничиваясь лишь короткими комментариями о древних именах и датах, в то время как мы беззвучно проходили по темным переулкам и перелезали через каменные стены. Я совершенно перестал ориентироваться. Никогда не забуду качающиеся

конические колонны, рвущиеся ввысь пилястры, железные литые ограды с декоративными вазами, окна с резными ставнями и перемычками. Чем дальше мы продвигались по загадочному лабиринту неизвестного прошлого, тем все необычней становилась окружающая обстановка.

Вокруг не было ни одной живой души. Освященные окна все реже встречались на нашем пути, современные фонари сменились на газовые, а потом на большие свечные. Наконец мы очутились в пугающем темном дворе, где мой спутник впервые коснулся меня своей рукой в изысканной перчатке. Незнакомец подвел меня к узкой деревянной двери, расположенной в переулке, освещенном лишь одним фонарем. Переулок спускался под крутым наклоном. Его границы окаймлялись высокими стенами, увитыми плющом, за которыми виднелись бледный купол усадьбы и верхушки колышущихся деревьев. В стене находилась небольшая дубовая дверь, обитая гвоздями, которую мой спутник открыл тяжелым ключом.

Пройдя по аллее, усыпанной гравием, мы поднялись по каменной лестнице, ведущей прямо ко входу в дом и вошли. Я едва не потерял сознание от затхлого запаха плесени, ударив того мне в нос и показавшегося мне симбиозом веков и гнили. Мне показалось, хозяин дома не заметил моей реакции. Из вежливости я предпочитал хранить молчание. Мы прошли в холл, затем поднялась по витой лестнице с резными перилами и очутились в какой-то комнате. Незнакомец запер за нами дверь на ключ, затем подошел к старинному камину и зажег две свечи на канделябре с двенадцатью подставками. Покончив со своими приготовлениями, он попросил меня говорить шепотом.

Мы находились в просторной, прекрасно обставленной по моде начала XVIII века библиотеке с великолепными дверными фронтонами, изысканным дорическим карнизом, прекрасным лепным каминным колпаком. Над книжными полками висели восхитительные семейные портреты. Вся обстановка библиотеки отличалась некоей тусклостью, даже таинственностью и гармонично сочеталась с внешностью хозяина. Человек сделал мне знак сесть в кресло рядом с деревянным инкрустированным столиком. Мне казалось, что прежде чем занять место по другую сторону столика, незнакомец на минуту испытал колебание. Но потом, решившись, сиял свои перчатки, широкополую шляпу и плащ и предстал передо мной в довольно театральном костюме эпохи короля Георга: пышное жабо, короткие шелковые штаны, туфли с пряжками, на которые я не обратил внимание во время нашего ночного путешествия. Он сел на стул со спинкой в форме лиры и принялся с пристальным вниманием смотреть мне в лицо. Теперь без своей шляпы он выглядел глубоким стариком. Возможно его поразительное долголетие стало причиной внезапно появившегося у меня страха. Он заговорил мягким, тихим голосом и я был вынужден напрягаться, чтобы понять речь старика, но слушал рассказ хозяина, как зачарованный, испытывая одновременно легкое беспокойство.

- Итак, милостивый государь, вы видите перед собой весьма эксцентричного человека, который не считает нужным приносить извинение за свой костюм кому бы то ни было, имеющему современные вкусы. Думая о самых лучших временах, я не испытывал сомнений сохранять ли обычаи той эпохи, костюмы и их фасоны. Эта практика никому не причиняет вреда. Мне посчастливилось сохранить невредимым дом моих предков,

несмотря на создание здесь двух городов: сначала Гринвича в 1800, а затем Нью-Йорка в 1830 году.

У нашей семьи было много причин, заставивших нас ревниво охранять это место. И я тоже не нарушил свой долг. Мой предок, живший в этом доме с 1768 года, увлекался многими науками и сделал некоторые открытия, тесно связанные с воздействиями этого места. Поверьте, эти открытия заслуживают того, чтобы их хранили в секрете. Я готов рассказать вам кое-что, но при условии, что вы будете хранить молчание обо всем, что увидите и услышите. Я думаю, что могу довериться моей интуиции на людей, и надеюсь, что мне не представится случай сожалеть о вашей нескромности.

Он замолчал. Я утвердительно кивнул головой и сказал, что нет ничего более отвратительного для моей пострадавшей души, чем бесформенное и гигантское чудовище по имени Нью-Йорк. Кем бы ни был хозяин старинного особняка - безобидным сумасшедшим или поклонником опасных наук, у меня не было другого выхода, как подчиниться его желанию и удовлетворить возросшее любопытство.

- Мой предок, - продолжал незнакомец, - открыл, что человеческая воля обладает замечательными свойствами, позволяющими контролировать не только собственные действия и действия других, но и властвовать над всеми силами и субстанциями природы и даже над многими явлениями, выходящими за ее рамки. Я должен упомянуть и о том, что он пренебрегал неприкосновенностью таких параметров, как время и пространство, и прибегал в своей практике к древним ритуалам краснокожих, некогда живших на этом самом месте, где был построен дом. Индейцы пришли в бешенство от строительства дома и каждый раз в полнолуние стремились вернуть свою утраченную землю предков. Годами они совершали набеги на наше жилище, пытаясь преодолеть высокие стены. Но в 1768 году новый хозяин особняка заключил с ними соглашение, заставшее их врасплох. За право свободного посещения своей территории индейцы обязались давать подробные объяснения всем действиям во время совершения своих ритуалов. Хозяин особняка узнал, что совершаемый обряд достался им в наследство, с одной стороны, от их далеких предков, с другой - от старика голландца времен объединения Штатов. Через неделю после заключения соглашения с краснокожими мой предок стал единственным обладателем сокровенной тайны индейского обряда. Возможно в немалой степени этому способствовал отличный ром, в изобилии хранившийся в подвале дома. Вы первый человек, которому я рассказываю эту историю, но поскольку вы, как и я сам, интересуетесь прошлым, я полностью доверяю вам.

Я почувствовал озноб, когда хозяин стал изъясняться на диалекте, пришедшем из другой эпохи.

Старик снова заговорил:

- То, чему научили его дикари, было лишь малой долей необъятной науки, которую он постиг в дальнейшем. Мой предок не учился в Оксфордском университете, не брал уроки у старого известного химика и астролога в Париже. Самостоятельно он пришел к убеждению, что весь мир есть не что иное, как испарения нашего мозга. Заурядная личность не может оказывать на него влияние, но мудрый ум легко управляет всеми стихиями, словно табачным облаком из Вирджинии. Итак, мы можем делать все, что сами

пожелаем, и отвергать все, что претит нашей воле. Вы, без сомнения, заинтересуетесь картинами эпохи, столь дорогой для вас. Я прошу вас усмирить возможный ужас перед лицом того, что собираюсь вам показать. Подойдите к окну и оставайтесь спокойным.

Хозяин подошел ко мне и подвел за руки к одному из двух имевшихся в комнате окон. Едва он дотронулся своими пальцами до моей кожи, кровь застыла у меня в жилах: его руки были холоднее льда. Я с трудом сдержал себя, чтобы не оттолкнуть руку старика, но, вспомнив о небытии и об ужасной ежедневной действительности, был готов перенести любое испытание. Старик раздвинул желтые бархатные портьеры. Сначала в сумерках какое-то мгновение я ничего не видел, кроме бесчисленного количества пляшущих вдалеке огоньков. Но вдруг, словно по неуловимому мановению руки старика, яркая, зарница вспыхнула в небе, и я увидел море листьев, покрывавших крыши. Справа зловеще мерцал Гудзон, прямо перед окном простиралось обширное солончаковое болото, усыпанное светлячками. Зарница потухла. На лице старого некроманта заиграла дьявольская улыбка.

- Попробуем еще раз, - прошептал незнакомец. Я был близок к тому, чтобы лишиться чувств и почти сожалел об утраченном современном городе.

- Всемогущий бог, - прошептал я. - Вы можете перенестись в любую эпоху?

Он утвердительно кивнул головой. Я цеплялся за шторы, чтобы не потерять сознание. Хозяин снова сделал неопределенный жест рукой. На небе сверкнул яркий разряд молнии. На этот раз перед нами был Гринвич со стройными рядами маленьких домиков, с зелеными аллеями и цветами. По-прежнему мерцало болото. На окраине городка виднелись силуэты небольших колоколен того, что было когда-то старым Нью-Йорком. У меня перехватило дыхание не столько от поразительного спектакля, сколько от мысли о необыкновенных возможностях хозяина дома. Своим всемогуществом старик внушал мне ужас.

- Могли бы вы... Осмелитесь ли вы.., пойти дальше? - невнятно пробормотал я, не скрывая страха. Мне показалось, что старик разделяет мои чувства, но на его губах снова заиграла дьявольская усмешка.

- Я вижу, что от страха вы превратились в каменную статую. Вы хотите еще дальше? Смотрите же, жалкий трус!

Прорывав свою фразу, старик сделал решительный жест рукой, вызвав в небе ослепительную, огромную молнию. За окном появились небеса, кишачие летающими предметами странной формы. Адский город-исполин, достроенный из черных камней, с кощунственными пирамидами, дико рвущимися вверх, предстал нашему взору. Из неисчислимых окон лился тусклый зловещий желтый свет, вызывающий отвращение. Затем я различил жителей города. Это были люди с желтыми лицами и косыми глазами. Все они были одеты в оранжевые и красные платья и танцевали, как безумные, под звуки лихорадочных тамтамов, шипения гремучих змей, бредовых стонов лодочных гудков, чья непрерывная погребальная песня то затихала, то усиливалась. Я созерцал адскую картину под аккомпанемент кощунственной какофонии. Забыв о необходимости соблюдать молчание, я неистово закричал от нервного напряжения. Удар молнии

осветил стены комнаты и я заметил, что мой хозяин тоже содрогается от страха. Он шатался, судорожно хватаясь за шторы и озираясь по сторонам, как затравленный зверь. Один бог знает, осталась ли в нем хоть капля разума. Когда развеялось эхо криков, до меня донесся другой звук, внушивший мысль о дьяволе и аде. И только парализованная чувствительность позволила сохранить мне остатки самообладания. Звук, похожий на скрытый и равномерный треск, исходил от лестницы по другую сторону двери. Казалось, что по ней поднималась орда босоногих людей. Кто-то осторожно дергал за, медную ручку, освещенную пламенем свечи. Старик забился в конвульсиях и злобно плюнул в мою сторону, изрыгая проклятия:

- Сегодня полнолуние! Безумец! Будь ты проклят, мерзкая визгливая собака! Это ты их позвал, и они пришли за мной. Слышишь мертвые шаги мокасин на лестнице? Бог покарает вас, краснокожие демоны! Я не подсыпал отраву в ваш ром! Слышите, не подсыпал! Разве я не почитал ваших ритуалов? Будьте прокляты! Оставьте меня в покое. Не дергайте за дверную ручку!

В тот же момент три медленных и решительных удара поколебали дверь. У старика, дрожавшего от ужаса, на губах выступила белая пена. Бессильный и безнадежный страх породил новый прилив гнева у совершенно обезумевшего хозяина. Он сделал несколько шагов в направлении столика, за край которого я держался, пытаюсь совладать со своими нервами. Старик тащил за собой портьеры, сорвав их с окна, благодаря чему в темную комнату проник яркий поток света полнолунной ночи. В зеленовато-желтом лунном свете пламя свечей потускнело и заколебалось, бросая блики на разные панели, источенные червями, на начинающий медленно оседать пол, на качающуюся мебель, на ковры, превращающиеся в лохмотья. В лунном свете я отчетливо различал перекосившееся от ненависти лицо старика, покрывающееся черными пятнами и твердеющее на моих глазах. Он все еще пытался схватить меня своими руками, похожими на когти хищного грифа. Глаза его блестели раскаленным светом, а лицо стало совсем черным.

За дверью опять раздались ужасающие стуки. То, что еще осталось от старика, приближалось ко мне, извиваясь и изрыгая потоки желчи. Это была лишь черная голова с раскаленными глазами. В комнате появились летающие томагавки, громившие все деревянные предметы. Я не шевелился, находясь в полном оцепенении и ошеломлении. В следующую секунду дверь разлетелась вдребезги под многочисленными ударами томагавков. В комнату влился бесформенный и огромный поток горящих дьявольских глаз. Необычная жидкая маслянистая субстанция, опрокидывая на своем пути мебель, протекла под столом и достигла того места, где находилась голова с раскаленными глазами, пожирившими меня. Субстанция разлилась вокруг головы, поглотила и затопила ее и, не касаясь меня, проделала по комнате обратный путь.

Неожиданно пол подо мной провалился, и я очутился в комнате этажом ниже, затянутой паутиной. Свет, проникающий через разбитые стекла, помог мне обнаружить дверь, ведущую в коридор. Она была наполовину приоткрыта. Я поднялся с пола, покрытого обломками потолка, штукатуркой и другим строительным хламом, и пошел к приоткрытой двери. По коридору тек стремительный черный поток, усыпанный сотнями светящихся злобных глаз. Они искали дверь, ведущую в подвал. Когда она была выбита,

пол комнаты, где я находился, обрушился, как и в комнате этажом выше. Приглушенный треск обваливающегося пола сопровождался грохотом падающей крыши. Я успел выскочить в коридор в надежде найти входную дверь, но она была заперта. Все мои старания вышибить ее, оказались напрасными. Тогда, схватив опрокинутый стул, я разбил окно и выпрыгнул на залитую лунным светом лужайку. Теперь мне предстояло преодолеть высокую стену, опоясывающую этот жуткий дом.

В изнеможении я оглянулся вокруг и увидел только странные стены, окна и старые крыши. Переулок, по которому мы пришли к дому старика, не был виден. Речной туман окутал все вокруг сизой дымкой. Неожиданно каменная ваза, за которую я держался, стала содрогаться от неведомой силы, и я сорвался со стены.

Человек, обнаруживший меня, заявил, что, несмотря на раны и переломы, я смог проползти большое расстояние, потому что следы крови тянулись так далеко, что ему не хватило смелости искать то место, где они начинались.

Переломы срослись, дождь смыл следы крови, ничто больше не напоминало мне о ночном кошмаре в неизвестном месте, совсем рядом возле входа в маленький черный дворик за Пери-стрит.

Я никогда не предпринимал попыток найти загадочный особняк, затерянный в темных лабиринтах города и не советую делать этого ни одному здравомыслящему человеку. Кем был старик-призрак? Какая сила создала его и какая сила отомстила ему? Я никогда не узнаю этого, но повторяю, что этот город мертв и наполнен ужасами, о которых никто не подозревает. А я вернулся к себе, в Новую Англию, в прекрасную тихую деревеньку, ласкаемую ароматными морскими бризами.

Перевод: А. Мороз, Г. Кот

1992 год